

DOI: 10.31857/S0869049922040049
EDN: EYEOVX

Оригинальная статья / Original Article

Посткапитализм: от индивидуализма потребительского к индивидуализму экспрессивному?

© Д.А. ДАВЫДОВ

Давыдов Дмитрий Александрович, Институт философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия), davydovdmitriy90@gmail.com. ORCID: 0000-0001-7978-9240

В статье автор предлагает рассматривать переход к посткапитализму не как борьбу угнетенных за более справедливое и равное общество без классовых антагонизмов, а как процесс постепенного вытеснения потребительского индивидуализма индивидуализмом экспрессивным. В рамках данной перспективы посткапитализм – не столько принципиально новая общественно-экономическая система, выстроенная на руинах капитализма, сколько совокупность общественных отношений, которые развиваются по мере того, как для населения постепенно утрачивают значимость материалистические ценности (материальные богатства, деньги и т.д.) и растет значимость ценностей постматериалистических (самореализация, поиск подлинного «я» и т.п.). В данном смысле многие феномены, связанные с современной политикой идентичности, можно отнести к посткапитализму. Тем не менее, в статье подвергаются критике представления о политике идентичности как совокупности стратегий и способов борьбы за равенство и справедливость, которые преподносят как приближение к идеалам социализма или коммунизма (т.н. преодоление «системного угнетения»). Сегодня борьба за разнообразие идентичностей свидетельствует о торжестве индивидуализма, а также о новом витке борьбы «всех против всех» и разрушении общего жизненного мира.

Ключевые слова: посткапитализм, политика идентичности, индивидуализм, марксизм, пост-марксизм, социальная справедливость, коммунизм

Цитирование: Давыдов Д.А. (2022) Посткапитализм: от индивидуализма потребительского к индивидуализму экспрессивному? // Общественные науки и современность. № 4. С. 47–61. DOI: 10.31857/S0869049922040049, EDN: EYEOVX

Post-Capitalism: From Consumer Individualism to Expressive Individualism?

© D. DAVYDOV

Dmitriy A. Davydov, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of RAS (Ekaterinburg, Russia), davydovdmitriy90@gmail.com. ORCID: 0000-0001-7978-9240

Abstract. The author proposes to consider the transition to post-capitalism not as the struggle of the oppressed classes for a more just and equal society without class antagonisms, but as a process of gradual displacement of consumer individualism by expressive individualism. Within the framework of this perspective, post-capitalism is not a fundamentally new socio-economic system built on the ruins of capitalism, but a set of social relations developing with the gradual deactualization of materialistic values for a significant part of the population (material wealth, money, etc.) and the growing importance of post-materialistic values (self-realization, search for the true self, etc.). In this sense, many phenomena associated with modern identity politics can be attributed to post-capitalism. Nevertheless, the article criticizes the perception of identity politics as a set of strategies and ways of fighting for equality and justice, presented as an approximation to the ideals of socialism or communism (the so-called overcoming of “systemic oppression”). Today, the struggle for the adoption of diverse identities testifies to the triumph of individualism, as well as a new round of the struggle of “all against all” and the destruction of the common life world.

Keywords: post-capitalism, identity politics, individualism, Marxism, post-Marxism, social justice, communism

Citation: Davydov D. (2022) Post-Capitalism: From Consumer Individualism to Expressive Individualism? *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 4, pp. 47–61. DOI: 10.31857/S0869049922040049, EDN: EYEOVX

Введение

Сегодня наблюдается примечательное явление. С одной стороны, давно капитализм (и как мировая экономическая система, и как идея) не был так близок к своему краху. Мы видим большое количество системных проблем: от растущего социально-экономического неравенства в развитых странах (если говорить о богатстве – то во всем мире) [Миланович 2017; Пикетти 2016] и неприятных социальных последствий прекаризации [Стэндинг 2014] (в т.ч. эпидемия «смертей от отчаяния» [Case, Deaton 2020]), цифрового труда [Jones 2021] и т.н. «надзорного капитализма» [Зубофф 2022] до возросших рисков экологической, техногенной и/или военной катастрофы (учитывая обстоятельства, перспектива ядерной войны теперь уже не выглядит нереалистичной). Однако, словно по заветам Маркса, на фоне тормозящей прогресс «надстройки» активно развиваются новые производительные силы и производственные отношения. Мир высоких технологий и цифровых коммуникаций порождает множество дискурсов о грядущем техносотализме [King, Petty 2021], коммунизме знаний [Gorz 2010], креативной революции [Бузгалин 2021], посткапитализме [Srnicsek, Williams 2016; Mason 2017], платформенном социализме [Muldoon 2022] и пр. Утопии множатся, что сопровождается популяризацией смелых идей вроде введения системы «освобождающего» базового дохода [Ван Парайс, Вандерборхт 2020].

С другой стороны, вместо дружного и смелого движения к лучшему будущему наблюдается «предательство» левых [Кагарлицкий 2017]. Кажется, что они окончательно пере-

стали думать о проблемах рабочего класса и все больше фокусируются на политике идентичности, в рамках которой вопрос о необходимом количестве признаваемых гендеров более значим, чем упадок рабочего класса – не говоря уже о полноценной социальной революции, меняющей правила игры. Люди, которые мечтают о возрождении профсоюзов и сильной национальной промышленности, называют себя левыми. Люди, для которых одна из наиболее актуальных потребностей – выбор предпочтительных местоимений, тоже называют себя левыми. Левые – это те, кто борется за права рабочих, но также и те, благодаря кому массово закрываются предприятия и растут цены, ведь такова необходимая жертва для «перехода к возобновляемой энергетике». Левые – это социал-демократы, поддерживающие таких политиков, как Б. Сандерс, ведь социально-экономическое неравенство растет. Вместе с тем к ним относят и тех, кто голосовал за Х. Клинтон или Дж. Байдена, для которых дружба с движениями вроде Black Lives Matter и всевозможными «угнетенными» намного важнее.

Очевидно противоречие. Причина, по которой мы все еще используем слово «левые» как родовое понятие, поскольку оно вбирает в себя нечто общее между разнородными группами «оппонирующих капитализму», заключается в наборе абстрактных ценностей. Как считает М.О. Райт, все они борются за равенство/справедливость, демократию/свободу и общность/солидарность [Wright 2019, 132]. В конце концов, в этом и был главный смысл идеи интерсекциональности [Crenshaw, 1991]: в условиях капитализма существует не только экономическое угнетение, но также расовое, гендерное и пр. Разные формы угнетения могут пересекаться и налагаться друг на друга, а потому общее дело – бороться со всеми ними. Однако что-то пошло не так: сегодня правые, то есть консерваторы, националисты или популисты, зачастую «левее» левых, а о какой-либо единой борьбе по подрыву всех пересекающихся «способов дискриминации» не может быть и речи. Все чаще одни левые преследуют интересы, прямо противоположные интересам других левых, а правые притягивают к себе внимание тех, кого еще относительно недавно называли революционным классом.

Такие обстоятельства представляют собой серьезный вызов для всей левой политической мысли, а в особенности – для марксизма. Аномалии, о которых пойдет речь далее, можно объяснить предательством элит, незрелостью настоящего революционного субъекта или концептуальными искажениями изначально правильных идей (например, идея расового равенства, пропущенная через спекулятивные постмодернистские жернова). Однако, как будет показано далее, в разладе левых стоит искать не временные разногласия в рамках общего проекта борьбы за равенство, справедливость, демократию и свободу, а признаки того, что искомый посткапитализм не таков, каким его представляли. Буржуазная «война всех против всех», подогреваемая корыстью homo oeconomicus, постепенно сменяется постбуржуазной «войной всех против всех», в которой наряду с размером кошелька все большее значение приобретает само «я», требующее максимального спектра доступных способов признания и самореализации (не только «денежных» или «деловых»). Иными словами, движение к посткапитализму можно осмыслить не как процесс искреннего стремления к равенству и справедливости, а как эволюцию индивидуализма на новых, постматериалистических ценностных основаниях, что заметно по реалиям политики идентичности.

Индивидуализм вместо индивидуализма

Для того, чтобы разобраться во всех хитросплетениях и аномалиях левых дискурсов, необходимо сменить линзу, через которую следует рассматривать перспективу посткапитализма. Цель данной статьи не заключается в доказательстве технологических или экономических предпосылок формирования посткапиталистических общественных отноше-

ний. Автор отчасти опирается на совокупность уже разработанных концепций [см.: *Gorz* 2010; *Бузгалин* 2021; *Mason* 2017; *Srnicek, Williams* 2016; *Давыдов* 2021].

Прежде всего стоит обратить внимание на то, что посткапитализм не обязательно следует ассоциировать с идеями равенства, справедливости, бесклассовости. Он может быть не столько радикально новой общественно-экономической формацией, «скачкообразно» возникающей на руинах буржуазного строя после политической революции (чего в истории смен общественных формаций никогда не происходило), сколько совокупностью общественных отношений, которые появляются в тех местах (или «пробелах», «разрывах»), где уже не действует капиталистическая логика материального накопления. Данные общественные отношения, а также ценности, которые они порождают, могут расширяться и становиться актуальнее для все большего количества людей по причине насыщения – или просто «нематериальных» интересов и приоритетов. Стоит отметить, что огромные массы людей по-прежнему будут жить в условиях капиталистического универсума, подвергаясь жестокой эксплуатации или ощущая последствия растущего экономического неравенства. Историческая аналогия: в эпоху становления капитализма массы людей продолжали оставаться нищими крестьянами, чье положение стремительно ухудшалось.

В социальных науках уже давно отмечают вытеснение «материалистических» социальных ценностей (материальные блага, безопасность и пр.) ценностями постматериалистическими (секуляризация, терпимость к иностранцам, гендерное равенство, терпимость к разводам и т. п.), и такие наблюдения имеют твердую эмпирическую основу [*Inglehart* 1997].

Что именно остается актуальным для некоторой части населения (особенно обитателей университетских городков, селебрити, журналистов и политических активистов), не сильно озабоченной «материальным» аспектом бытия? Освобождение от «материального», от рутины и от заботы о «хлебе насущном» оставляет больше места для практик самореализации и самопрезентации, причем не только через потребление, но и – все больше – через личностное самоутверждение (в западных странах стремление к «нематериальному» актуально и для не самых богатых слоев населения, т.к. качество жизни постоянно растет по причине научно-технического прогресса, даже если реальные зарплаты «стагнируют» [*Pinker* 2018]). Иными словами, «я» (то есть сама личность) становится важнейшим «благом», приносящим удовольствие, которое при этом необходимо «добыть» или произвести (сконструировав желаемый и привлекательный образ или убрав весь окружающий его социальный негатив). Немалую роль в данном процессе играет борьба за дестигматизацию, максимальное разнообразие и принятие сексуальных, гендерных, расовых, этнических и иных идентичностей (политика идентичности).

Важно отметить, что политика идентичности не исключает вполне материальной корысти или борьбы за ренту (привилегии). Однако со временем такие «материалистические» мотивы теряют значимость. Экономическую проблематику («каков мой доход, если моя идентичность А?») постепенно вытесняет социальная и культурная (приемлемо ли считать морбидное ожирение болезнью или это повод для гордости? [*Лантон* 2021]). Кроме того, без расцвета постматериалистических ценностей политика идентичности была бы попросту немислима. Прогресс данного направления был обусловлен не столько силой «угнетенных» и прочих борцов за идентичность, сколько эволюцией ценностей в сторону принятия максимального социального и культурного разнообразия (терпимость к иной сексуальности, вере и пр.).

Ф. Фукуяма в своей книге «Идентичность» отмечает, что современные люди все большее значение придают вопросу «кто я?». По мере того, как скука повседневного выживания, монотонность, предсказуемость наследуемых профессий и однообразие традиционного общества сменялись комфортом, относительной безопасностью и множественностью

жизненных перспектив, сама персональная идентичность переставала быть данностью и становилась трудноразрешимой проблемой, которая требует постоянных поисков в эпоху ускоряющегося прогресса и утраты твердой почвы под ногами. Наблюдение Фукуямы можно было бы дополнить тем, что актуализацию проблематики идентичности в последние десятилетия можно связать и с посткапиталистическими тенденциями. Он и сам отмечает нечто подобное: «экономисты полагают, что человека побуждают к тем или иным поступкам так называемые утилитарные “предпочтения” или погоня за “выгодой” – желание обладать материальными ресурсами и товарами. Но они забывают о тимосе – той части души, которая стремится к общественному признанию либо в форме изотимии, потребности равноправного с окружающими признания, либо в форме мегалотимии – жажде публичного первенства» [Фукуяма 2019, 111]. Поиск ответа на вопрос «кто я?» не сводится исключительно к позиционированию себя через подчеркивание экономического статуса в системе буржуазных общественных отношений (в рамках соответствующей «надстройки» с ее модой, брендами и пр.). Напротив, освобождение от бремени добычи пропитания, трудовой рутины, мыслей о заработке ведет к смене приоритетов: я не только то, что я ем, потребляю и пр., есть и должно быть нечто большее – то внутреннее (глубинное), индивидуальное и неповторимое, требующее признания, уважения или восхищения со стороны других.

Здесь и кроется корень многих проблем, связанных с ожиданиями левых. По мнению Ф. Фукуямы, политика идентичности есть, в основном, следствие ресентимента. Взгляд Фукуямы (заявившего в данном контексте «левую» позицию) на политику идентичности как на борьбу групп, утративших достоинство или ощущающих пренебрежение со стороны других, вряд ли полностью соответствует сложной действительности. Он подразумевает, что гипотетически возможно примирить разные группы и создать ситуацию, когда достоинство каждого будут уважать (к примеру, если будут разработаны «потенциально затратные планы, которые позволят заметно сократить неравенство» [Фукуяма 2019, 221]). По-видимому, на нечто подобное надеются левые сторонники идеи интерсекциональности: да, «притесненные» группы очень разные, однако все они борются за нечто общее – признание, уважение, справедливость, равенство.

Однако за псевдоэгалитаристским фасадом политики идентичности скрывается куда не пропавший индивидуализм. В последнее время ее все труднее рассматривать как пространство борьбы за равенство и справедливость. Если выбор состоит из десятков конфигураций гендерных идентичностей или, скажем, предпочтительных местоимений, то речь должна идти о расширяющемся наборе инструментов самопозиционирования с целью привлечь внимание (М. Ректенвальд: «когда Мичиганский университет ввел политику, которая давала студентам карт-бланш в выборе предпочтительных местоимений, умный студент предложил “Его Величество” в качестве такого местоимения» [Rectenwald 2020, 49]). В таком смысле «обретение», к примеру, модной гендерной конфигурации очень похоже на «приобретение» модного дорогого автомобиля. Единственное отличие – нематериальность, «нетоварность» процесса построения персональной идентичности. Сексуальность или гендер не покупают, а «находят», а затем различными путями достигают признания и даже восхищения (т.н. «жертвы» легко становятся привилегированными [Scarry 2020]).

Не первичен здесь и трайбализм (хотя определенные элементы «межплеменной розни» присутствуют), о котором говорят некоторые теоретики, обвиняющие политику идентичности в отходе от принципов либерализма (например, отказ от «расового дальтонизма» [Hicks 2011]). Крупные группы постепенно теряют значимость, а главное – исчезает примордиальность. Если еще несколько десятков лет назад женщины, чернокожие, геи или

лесбиянки имели «врожденные» идентичности и боролись за равные права и возможности, то сегодня любая идентичность становится независимой от биологической реальности конструкцией, похожей на товар в магазине. Такой «товар» выбирают, примеряют, конфигурируют по своему вкусу и представляют в качестве чего-то особого, что выделяет его носителя на фоне остальных. В таких обстоятельствах быть бигендерным полисексуал-трансвеститом гораздо выразительнее, нежели заурядным маскулинным гетеросексуальным мужчиной. Повсеместная борьба за «инклюзивность» означает крах любых нормативных структур, если они касаются того, каким принимать человека. Каждый должен иметь абсолютное право на выбор образа жизни, гендера, сексуальной ориентации, веса своего тела, внешности, даже расы и национальности, а также всевозможных внешних социальных проявлений и атрибутов социальной идентичности вроде предпочтительных местоимений (например, *they/them* для людей с «небинарным» гендером). По сути, множасьшие групповые идентичности становятся своеобразным конструктором Lego, из которого складываются порой причудливые индивидуальные идентичности, цель которых – максимально удовлетворять потребность в принятии и самовыражении (например: «я трансженщина, интерсекс женщина, мои местоимения он/она/оно/они и обращение “ваша милость”, мои глаза татуированы, в носу пирсинг, идентифицирую себя как угрозу, кошмар и богиню»¹ и т. п.).

Указанные процессы свидетельствуют о расширении свободы индивидуального выбора. Разумеется, цвет кожи или, скажем, биологический пол не выбирают, но идентичность – это не только набор «встроенных» характеристик. Как верно заметили Дж. Акерлоф и Р. Крэнтон, она может быть полезна для конкретных индивидов, которые соотносят свои действия с нормами и идеалами, ассоциируемыми с теми или иными референтными группами [Akerlof, Kranton 2010]. Даже если «отказаться» от некоторых признаков невозможно, конкретный индивид волен выбирать между различными стратегиями, условно говоря, выстраивания отношений со своими групповыми принадлежностями: от полного отрицания идентичности (подавление «нетрадиционной» сексуальности) до выбора конкретных ролевых моделей поведения (от сокрытия сексуальности до гордости принадлежностью к ЛГБТК+ сообществу). Ситуация, которая наблюдалась в западных странах в последние десятилетия, – стремительное расширение как различных вариантов и конфигураций построения персональной идентичности, так и свободы индивидуального выбора ролевых практик, позволяющих максимизировать полезность принадлежности к тем или иным группам (легализация однополых браков, разрушение гендерных стереотипов о «женских» и «мужских» профессиях и пр.).

Как раз такое расширение свободы индивидуального выбора привело к многочисленным противоречиям, которые превратили изначальную «левую» борьбу за инклюзивность, равенство и справедливость в привычную индивидуалистическую «войну всех против всех».

Не является ли данное представление о посткапиталистических общественных отношениях упрощением – без учета разницы между культурой и экономикой? Нет, если исходить из тезиса о том, что эти сферы тесно взаимосвязаны. Более того, еще классики марксизма выражали мысль о том, что капитализм – это, собственно, последняя экономическая общественная формация (если видеть четкую разницу между двумя значениями понятия «экономический» – как собственно хозяйственной деятельности и как господства товарного производства и накопления капитала [Кондрашов 2016, 241]). Правда, те или иные

¹ Реакция на Тиктокеров | Бен Шапиро. YouTube. 16 дек. 2021 г. (<https://www.youtube.com/watch?v=T-kZgRs3pIM>).

идентичности тоже можно помыслить как своеобразные блага. Если идентичность является источником страданий (притеснений, эксплуатации, насмешек и т.п.), то ее полезность отрицательна. Если же идентичность – основа для гордости или источник удовольствия от личного образа, то ее полезность положительна. Процессы автоматизации материального производства и возможное обеспечение всех минимальным набором материальных благ (базовый доход и пр.) означают, что все больше людей будут озабочены, в основном, качеством личностных идентичностей, сочетающих в себе множества идентичностей групповых. Следовательно, не стоит отбрасывать идею рационального выбора идентичности как один из возможных подходов в соответствующей области исследований [Давыдов 2012].

Всем остальным вопреки

Потребительский индивидуализм – одна из причин краха социалистических утопий XX в. Среди мифологем, поддерживающих жизнеспособность капитализма, имело место представление о среднем классе, состоящем из независимых трудолюбивых индивидов [Вайс 2021]. По сути, средний класс уничтожил антагонистическую напряженность между буржуазией и рабочими, обещав последним достаточный для относительно неплохой жизни набор материальных благ в обмен на политическую лояльность. Блага способствовали концентрации внимания людей на личном и семейном благополучии, что не только делало невозможным успех в борьбе за эгалитарное посткапиталистическое будущее, но и вело ко всем тем негативным последствиям общества потребления, о которых написано уже много: отчуждение, капиталистическая «война всех против всех», погоня за статусом, подчеркивающими его материальными благами и т.д. («что бы ни потреблялось, оно потребляется индивидуально, даже если это происходит в переполненном зале» [Бауман 2008, 178]).

В эпоху зарождающегося посткапитализма на смену потребительскому индивидуализму приходит индивидуализм экспрессивный. Имущественный фактор в практиках «презентации себя другим» уступает место (хотя бы по причине отхода от владения и перехода к экономике совместного использования [Мангер 2021]) максимизации чувства удовлетворенности самой личностью, в каких бы ипостасях она ни была бы представлена (внешность, сексуальность, раса, гендер и т.д.). Как и прежде, индивидуализм по своей сущности мешает установлению настоящего общественного единства. Разумеется, и классики марксизма не утверждали, что коммунизм в одночасье решит все социальные противоречия. Однако идея коммунизма все же предполагала примат единства над разобщенностью, коллектива над изолированным существованием, общих целей над узкогрупповыми. Считалось, если убрать животную нужду в материальном, накормить людей, дать им жилье, образование и должное воспитание, то единство, дружба, любовь и стремление к общим целям станут главными ценностями, определяющими жизни подавляющего большинства населения.

По всей видимости, в этом отношении марксизм допустил одну из наиболее существенных своих ошибок. Постматериалистические ценности ведут лишь к углублению индивидуализма. В сущности, «материальное» не столько препятствовало общечеловеческому единству, сколько выступало последним бастионом, сдерживающим культурные тенденции к еще большему индивидуализму и отчуждению. Так, сохранялась потребность в семье как едином организме, от которого напрямую зависит общественное воспроизводство, а то и выживаемость отдельных индивидов. Сильная нация ассоциировалась с работоспособными институтами социального государства. Бедняки и трудящиеся ощущали

классовое единство и верили в свою мировую освободительную миссию. Сегодня данные тенденции приходят в упадок, из-за чего исчезают последние надежды на коммунизм – хотя бы как на жизнеспособный проект совместного стремления к подлинному равенству и братству в общечеловеческих масштабах.

Несмотря на то, что современные левые борцы за «социальную справедливость» декларируют стремление к равенству, реальная политика идентичности перерастает в столкновение интересов множества групп и подгрупп. Столкновению способствует унаследованная от постструктурализма языковая картина мира (т.н. «прикладной постмодернизм» [Pluckrose, Lindsay 2020]), позволяющая предполагаемым «жертвам» и «угнетенным» везде усматривать «структурные» барьеры, а потому – обвинять других в личных неудачах. Отсюда повсеместно возникают маскирующиеся под науку теории заговора, а также различные «критические» концепции, плохо подкрепленные конкретными фактами или аргументами из естественных наук [Shapiro 2019].

Столкновение интересов – неизбежное следствие индивидуализма. Причем хорошо известно, что своекорыстные интересы легко встраиваются в мифологию «общего дела» или оправданной общим благом необходимости (например, вырубка леса под застройку, которую оправдывают необходимостью инвестиций в тот или иной муниципалитет или потребностью в новых рабочих местах). В то же время, если в реалиях капитализма столкновения интересов носят прежде всего имущественный характер, то выходящая за пределы условного «буржуазного универсума» политика идентичности способствует столкновению различных способов интерпретации мира, которые прямо влияют на способность других людей извлекать из своих идентичностей соответствующую «полезность». Да, люди становятся более терпимыми и склонными к принятию разнообразия. Однако благие намерения не всегда приводят к ожидаемым результатам. Разумеется, чисто внешне та или иная гражданская активность мимикрирует под «левую» борьбу за социальную справедливость, но, чем дальше, тем больше возрастают количество и масштаб накапливаемых противоречий.

Уже достаточно много написано о том, что борьба за социальную справедливость превратилась, по сути, в борьбу за привилегии, антирасизм обернулся чуть ли не большим расизмом, а феминизм очень легко перетекает в мужененавистничество (например, [Pluckrose, Lindsay 2020]). Грань между борьбой за справедливость и мегалотимией т.н. «пробужденных» (woke ideology) размыта. Благие намерения «справедливости» оборачиваются «культурой отмены» [Dershowitz 2020], цензурой по отношению к консервативно настроенным СМИ и социальным медиа [Knowles 2021], «иерархией жертв» [Mюппей 2021] и своеобразным культурным диктатом [Shapiro 2021]. Отсюда вытекают различные явления – от навязывания определенных «требований» к фильмам, выдвигаемых на премию «Оскар» (обязательная поддержка ЛГБТК+, женщин и меньшинств) до публичной травли тех, кто пытается оспорить новомодные дискурсы «левых». Сложившаяся ситуация не может не разрушать общий «жизненный мир», особенно если учесть, что в «системном насилии», расизме и т.п. обвиняют преимущественно белых мужчин. Так, согласно популярной концепции «хрупкости белых» [DiAngelo 2018], всякие попытки белых отрицать свою причастность к расизму нужно рассматривать как защитный механизм, уход от ответственности за «привилегии». В результате, белого американца итальянского происхождения, который утверждает, что белые люди тоже испытывают расизм, поскольку его собственные предки страдали от дискриминации, обвиняют в расизме. Вспышки насилия, как продемонстрировали бунты движения Black Lives Matter в мае-июне 2020 г., порождены не реальной дискриминацией (в конце концов, в мире никогда еще не было столько расового равенства, сколько сегодня), а взаимным отчуждением.

Противоречия нарастают не только между условно «левыми» и условно «правыми» группами. В принципе, и ранее среди «новых» сообществ не было особого единства. «Прозвучит довольно примитивно, – пишет Д. Мюррей, – но геи и лесбиянки не всегда состоят в теплых отношениях друг с другом. Геи часто характеризуют лесбиянок как не обладающих вкусом и занудных. Лесбиянки часто называют геев глупыми и инфантильными. Эти группы не представляют интереса одна для другой и нечасто пересекаются в местах проведения досуга... Геи и лесбиянки в то же время известны большой долей подозрения к тем, кто называет себя бисексуалами... бисексуалы продолжают восприниматься не столько как часть того же “сообщества”, сколько как предатели в его рядах. Геи склонны верить, что мужчины, называющие себя “би”, на самом деле – геи, отрицающие свою природу (“Сейчас – би, потом – гей”))» [Мюррей 2021, 64-65]. Кроме того, и в отдельных сообществах есть существенные культурные разногласия. К примеру, в гей-комьюнити имеет место взаимная неприязнь между эпатажными «квирами» (которые считают, что они принципиально отличаются от остальных) и сторонниками принятия через нормализацию («ничто не отличает их от их гетеросексуальных друзей и соседей» [Мюррей 2021, 66]).

Сама потребность в расширении свободы выбора провоцирует появление все новых и новых противоречий. Социальный конструктивизм, который был необходим для обоснования непрерывно множющихся идентичностей, в итоге столкнулся с аргументами, отсылающими к человеческой природе. Как отмечает Д. Со, в последние годы «возникла причудливая форма мышления. Из-за тенденций трактовать гендер и пол в качестве спектров концепция “сексуальной текучести” утверждает, что каждый может быть геем и что человеческая сексуальность в действительности находится в свободном плавании: что бы вы ни захотели, все возможно. Восприятие сексуальной ориентации как врожденной считается устаревшим и угнетающим образом мышления, ограничивающим наше самовыражение и свободу... И не похоже, чтобы небинарные активисты продумали последствия отрицания биологических доказательств сексуальной ориентации. Если быть геем – это выбор, становится труднее выступать против попыток изменить его» [Со 2020, 126]. Иными словами, если принадлежность определяется свободным выбором, то чем плоха репаративная терапия, если ее проводят по желанию самого «исправляющегося»? Более того, при таком раскладе картина мира, транслируемая активистами-трансгендерами, диссонировать с картиной мира гей-сообщества. Для первых многие геи – это не признающие себя транс-женщины. Вторые нередко утверждают, что «транс-женственность» есть следствие аутигинефилии² или других перверсий [Мюррей 2021, 356].

Наверное, одной из самых напряженных точек в политике идентичности сегодня стал конфликт, порожденный вытеснением концепции пола (как чего-то врожденного и биологически обусловленного) концепцией гендера (как результата выбора в рамках поиска подлинного «я»). Под серьезным ударом оказались женщины, которых теперь юридически приравнивают к транс-женщинам (биологическим мужчинам, которым сегодня даже не обязательно проходить весь набор хирургических процедур, чтобы стать признанными женщинами). В результате буквально уничтожается женский спорт, так как биологические женщины вынуждены соревноваться с биологическими мужчинами и – в подавляющем большинстве случаев – проигрывать, а то и получать серьезные травмы (как в случае с женским регби или боксом). Дело порой доходит до абсурда. Так, в 2015 г. МОК допустил к участию в Олимпийских играх трансгендеров. Данная организация допускает к соревнованиям людей с очевидными биологическими преимуществами, однако дисквали-

² Сексуальное возбуждение мужчины при представлении самого себя в качестве женщины.

фицирует спортсменов хотя бы за небольшой след допинга. Как замечает Л. Блейд, «уровень тестостерона, предписанный для транс-женщин в 10 наномолей на литр, намного выше, чем диапазон женского тестостерона от 0,52 до 2,4 наномолей на литр. А тестостерон – всего лишь одна из тысяч переменных, отличающих мужчин от женщин. Снижение уровня тестостерона оказывает незначительное влияние на уменьшение многих структурных преимуществ, которыми обладают взрослые мужчины, таких как: более высокая мышечная масса, большие легкие и сердце, большая способность переносить кислород в крови, более длинные и крепкие кости и нейронные сети, которые предлагают ускоренное время реакции» [*Blade, Kay* 2021, 101].

Данные проявления – следствия тупика и самоотрицания, к которому пришел феминизм. Различные течения в феминизме и раньше противоречили друг другу. К примеру, существует противоречие между подчеркиванием «женскости» и стремлением эту «женскость» превратить в совокупность предрассудков, которые якобы стоит отбросить, апеллируя к идее отсутствия существенных биологических различий между мужчинами и женщинами. В ситуации, когда первичен гендер, входной билет для транс-женщин в женский спорт вполне оправдан. Отсюда закономерный раскол в самом феминизме между сторонниками гендерных концепций и т.н. TERF (trans-exclusionary radical feminist) – исключающих транс-людей радикальных феминисток. Для последних проблемы не исчерпываются спортом. Например, они обеспокоены доступом транс-женщин (биологически – мужчин) в женские раздевалки или женские тюрьмы (уже имеются кейсы сексуального насилия со стороны тех, кто «ощущает» себя женщиной [см.: *Stock* 2021]). Другой вопрос, актуальный для феминизма, – «стереотипное» поведение транс-женщин. Та «женскость», которую многие радикальные феминистки отвергали как некий негативный опыт (физическая уязвимость, объективация женского тела и т.д.) вновь обретает перформативную значимость, причем биологические мужчины используют ее в своих «интересах». Как пишет Д. Со, «многие феминистки не согласны с трансгендерными женщинами, особенно с аутогинефильным подтипом, утверждая, что они увековечивают сексистские стереотипы о том, что значит быть женщиной – самообъективными, легкомысленными и хорошими только для секса. Транс-женщины считаются воплощением клише о том, как должны выглядеть женщины, включая длинные волосы и ногти, густой макияж и высокие каблуки – “костюм”, который мало говорит о том, что значит быть женщиной, особенно в глазах феминисток, которые долго и упорно боролись с этим» [*Soh* 2020, 155].

Вышеприведенные примеры – лишь одни из множества подобных. По мере того, как множатся различные идентичности (только Facebook³ насчитал 70 вариантов гендера), расширяется и спектр противоречий. Из последнего – травля тех, кто отказывается заводить романтические отношения и вступать в сексуальные связи с трансгендерами, что вызывает закономерное отторжение со стороны ряда групп (например, некоторые лесбиянки не особо приветствуют отношения с транс-женщинами, не прошедшими хирургический переход). В сущности, современная политика идентичности превратилась в идеологию принятия, согласно которой любая «нестандартная» идентичность священна, как и выбор (даже если это выбор гендера четырехлетним ребенком), определяемый неким «глубинным я» независимо от любых биологических и прочих объективных обстоятельств. Однако там, где на первом месте стоит «я», неизбежно возникают постоянные противоречия и столкновения интересов, в какую бы «левую» обертку соответствующие дискурсы ни заворачивали.

³ Входит в Meta Platforms, признанную экстремистской и запрещенную в России – прим. ред.

Большой вопрос, считать ли универсальными процессы, происходящие преимущественно на Западе. По мнению автора, актуализацию экспрессивного индивидуализма можно рассматривать как неизбежное следствие улучшения качества жизни в материальном отношении. Всякий традиционализм, скорее всего, будет только временным препятствием на пути к реализации желания людей выражать себя максимально широким набором способов. В конце концов, даже в России, несмотря на всю антизападную риторику, молодежь более терпима к тем же представителям сексуальных меньшинств⁴. Тем не менее, не факт, что западная политика идентичности – исторический пример для подражания. Как было показано, игнорирование научных фактов (например, о биологических особенностях пола) и (псевдо-)постмодернистская риторика ведут к неоднозначным социальным последствиям.

Заключение

История левых движений – это история разочарований в революционных субъектах. Причина, по которой современные левые такое пристальное внимание уделяют концепту интерсекциональности и политике идентичности, проста: XX в. показал, что идея революции, осуществляемой рабочим классом, нежизнеспособна. Для того, чтобы заполнить образовавшийся вакуум, нужны были какие-то заменители. «Новой надеждой» стали всевозможные «жертвы» и угнетаемые группы. Причем многие левые продолжали придерживаться идеи эгалитаризма, вдохновляясь отдаленной перспективой коммунизма как бесклассового общества. Скорее всего, данная концепция была крупным заблуждением. В реальности наблюдается, по сути, дальнейшая эволюция индивидуализма – но преимущественно на постматериалистических основаниях. Можно опять обвинить капитализм, который якобы направил политику идентичности по неправильному пути. Однако подобные рассуждения неизбежно ведут к теориям заговора о некоем всемогущем капитализме, что мало дает для анализа конкретных социальных процессов, к капиталистической экономике имеющих весьма опосредованное отношение. Посткапитализм попросту не нуждается в больших политических переворотах, чтобы постепенно расчищать себе дорогу (как, собственно, было и с его предшественником).

Когда материальное производство постепенно сменяется производством «нематериального», а на горизонте маячит перспектива вроде «полностью автоматизированного роскошного коммунизма» [Bastani 2019], люди переопределяют иерархии и представления о престиже, учитывая новые дефицитные блага и ресурсы. Если в условиях капитализма эти иерархии и представления формируются в соответствии с неравным доступом к «материальному», то сегодня борьба все чаще разворачивается за внимание, которого не может хватить на всех в равной степени. Люди никогда не перестанут бороться за то, чтобы быть лучше, ярче, заметнее и популярнее остальных. Развитие посткапиталистических общественных отношений следует мыслить как переход к преобладанию новых форм конкуренции: если не капитал, то внимание; если не материальные блага, то удовольствие от самовыражения. Политика идентичности в данном контексте отвечает за расширение свободы выбора, ведь мы живем в обществе, представители которого все больше времени уделяют поиску и утверждению («производству») своего «я». Как было продемонстрировано в статье, не стоит здесь искать подлинного эгалитаризма или стремления к нему. И уж тем более не стоит придумывать такие странные понятия, как «трансгендерный марксизм» [Gleeson, O'Rourke 2021], искусственно ассоциируя групповую логику с

⁴ Отношение россиян к ЛГБТ-людям. 15.10.2021. Левада-центр (признан НКО-иноагентом в России – прим. ред.). (<https://www.levada.ru/2021/10/15/otnoshenie-rossiyan-k-lgbt-lyudyam/>).

идеей коммунизма. Напротив, все говорит о том, что в центре рассматриваемых процессов продолжают находиться отдельные индивиды, которые преследуют свои узкие интересы. В связи с чем можно сказать, что в будущем следует ожидать дальнейшего усиления «вражды всех против всех» и разрушения жизненного мира, так как большинство людей будут требовать от других «признания» все новых и новых идентичностей, даже если для этого потребуются заставить замолчать неугодную публику. Окажутся ли среди этих «неугодных» настоящие левые?

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бауман З. (2008) *Текущая современность*. СПб.: Питер. 240 с.
- Бузгалин А.В. (2021) Креативная революция трансформирует рынок и отношения собственности // *Экономическое возрождение России*. № 1. С. 109–115.
- Вайс Х. (2021) Мы никогда не были средним классом. Как социальная мобильность вводит нас в заблуждение. М.: ВШЭ. 200 с.
- Ван Парайс Ф., Вандерборхт Я. (2020) *Базовый доход. Радикальный проект для свободного общества и здоровой экономики*. М.: ВШЭ. 440 с.
- Давыдов Д.А. (2012) Социальная идентичность: теория рационального выбора как альтернативный подход к концептуализации // *Социологическое обозрение*. № 2. С. 131–142.
- Давыдов Д.А. (2021) *Посткапитализм и рождение персоналиата*. М.: Рипол Классик. 336 с.
- Зубофф Ш. (2022) *Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее на новых рубежах власти*. М.: Издательство Института Гайдара. 784 с.
- Кагарлицкий Б.Ю. (2017) *Между классом и дискурсом. Левые интеллектуалы на страже капитализма*. М.: ВШЭ. 278 с.
- Кондрашов П.Н. (2016) Какого же Маркса мы читаем? Часть 2 // *Дискурс-Пи*. № 3-4. С. 238–246.
- Лаптон Д. (2021) *Жирные*. М.: ВШЭ. 224 с.
- Мангер М. (2021) *Завтра 3.0. Трансакционные издержки и экономика совместного использования*. М.: ВШЭ. 256 с.
- Миланович Б. (2017) *Глобальное неравенство: новый подход для эпохи глобализации*. М.: Издательство Института Гайдара. 336 с.
- Мюррей Д. (2021) *Безумие толпы. Как мир сошел с ума от толерантности и попыток угодить всем*. М.: Рипол Классик. 480 с.
- Пикетти Т. (2016) *Капитал в XXI веке*. М.: Ад Маргинем. 592 с.
- Стэндинг Г. (2014) *Прекариат. Новый опасный класс*. М.: Ад Маргинем. 368 с.
- Фукуяма Ф. (2019) *Идентичность. Стремление к признанию и политика неприятия*. М.: Альпина Паблишер. 256 с.
- Akerlof G. A., Kranton R.E. (2010) *Identity Economics: How Our Identities Shape Our Work, Wages, and Well-Being*. Princeton: Princeton University Press. 192 p.
- Bastani A. (2019) *Fully Automated Luxury Communism*. New York: Verso. 288 p.
- Blade L., Kay B. (2021) *Unsporting: How Trans Activism and Science Denial are Destroying Sport*. Toronto: Rebel News Network Ltd. 196 p.
- Case A., Deaton A. (2020) *Deaths of Despair and the Future of Capitalism*. Princeton: Princeton University Press. 312 p.
- Crenshaw K. (1991) Mapping the Margins Intersectionality, Identity Politics, and Violence against Women of Color // *Stanford Law Review*. No. 6. Pp. 1241–1299.
- Dershowitz A. (2020) *Cancel Culture: The Latest Attack on Free Speech and Due Process*. New York: Hot Books. 168 p.

- DiAngelo R. (2018) *White Fragility: Why It's So Hard for White People to Talk About Racism*. Boston: Beacon Press. 192 p.
- Gorz A. (2010) *The Immaterial: Knowledge, Value and Capital*. New York, London: Seagull Books. 209 p.
- Hicks S. R. C. (2011) *Explaining Postmodernism. Skepticism and Socialism from Rousseau to Foucault*. Ockham's. Roscoe: Ockham's Razor. 278 p.
- Inglehart R. (1997) *Modernization and Postmodernization*. Princeton: Princeton University Press. 464 p.
- Jones P. (2021) *Work Without the Worker: Labour in the Age of Platform Capitalism*. New York: Verso. 144 p.
- King B., Petty R. (2021) *The Rise of Technosocialism: How Inequality, AI and Climate Will Usher in a New World*. Singapore: Marshall Cavendish International. 336 p.
- Knowles M. (2021) *Speechless: Controlling Words, Controlling Minds*. Washington, D.C.: Regnery. 256 p.
- Mason P. (2017) *Postcapitalism: A Guide to Our Future*. New York: Farrar, Straus and Giroux. 368 p.
- Muldoon J. (2022) *Platform Socialism: How to Reclaim our Digital Future from Big Tech*. London: Pluto Press. 200 p.
- Pinker S. (2018) *Enlightenment Now: The Case for Reason, Science, Humanism, and Progress*. New York: Viking. 576 p.
- Pluckrose H., Lindsay J. (2020) *Cynical Theories: How Activist Scholarship Made Everything about Race, Gender, and Identity – and Why This Harms Everybody*. Durham: Pitchstone. 352 p.
- Rectenwald M. (2020) *Beyond Woke*. Nashville: New English Review Press. 238 p.
- Scarry E. (2020) *Privileged Victims: How America's Culture Fascists Hijacked the Country and Elevated Its Worst People*. New York: Bombardier Books. 288 p.
- Shapiro B. (2019) *Facts Don't Care about Your Feelings*. Hermosa Beach: Creators Publishing. 231 p.
- Shapiro B. (2021) *The Authoritarian Moment: How the Left Weaponized America's Institutions Against Dissent*. New York: Broadside Books. 288 p.
- Soh D. (2020) *The End of Gender: Debunking the Myths about Sex and Identity in Our Society*. New York: Threshold Editions. 336 p.
- Srnicek N., Williams A. (2016) *Inventing the Future: Postcapitalism and a World Without Work*. New York: Verso. 272 p.
- Stock K. (2021) *Material Girls: Why Reality Matters for Feminism*. London: Fleet. 320 p.
- Transgender Marxism (2021) Ed(s): Gleeson J. J., O'Rourke E. London: Pluto Press. 320 p.
- Wright E. O. (2019) *How to Be an Anticapitalist in the Twenty-First Century*. New York: Verso. 176 p.

REFERENCES

- Akerlof G. A., Kranton R.E. (2010) *Identity Economics: How Our Identities Shape Our Work, Wages, and Well-Being*. Princeton: Princeton University Press. 192 p.
- Bastani A. (2019) *Fully Automated Luxury Communism*. New York: Verso. 288 p.
- Bauman Z. (2008) *Tekuchaia sovremennost'* [Liquid Modernity]. Saint-Petersburg: Piter. 240 p.
- Blade L., Kay B. (2021) *Unsporting: How Trans Activism and Science Denial are Destroying Sport*. Toronto: Rebel News Network Ltd. 196 p.
- Buzgalin A.V. (2021) Kreativnaia revoliutsiia transformiruet rynek i otnosheniia sobstvennosti [Creative Revolution Transforms Market and Property Relations]. *Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii*. no. 1, pp. 109–115.
- Case A., Deaton A. (2020) *Deaths of Despair and the Future of Capitalism*. Princeton: Princeton University Press. 312 p.

- Crenshaw K. (1991) Mapping the Margins Intersectionality, Identity Politics, and Violence against Women of Color. *Stanford Law Review*. vol. 43, no. 6, pp. 1241–1299.
- Davydov D.A. (2012) Sotsial'naia identichnost': teoriia ratsional'nogo vybora kak al'ternativnyi podkhod k kontseptualizatsii [Social Identity: Rational Choice Theory as an Alternative Approach to Conceptualization]. *Sotsiologicheskoe obozrenie*. no. 2, pp. 131–142.
- Davydov D.A. (2021) *Postkapitalizm i rozhdenie personaliatia* [Postcapitalism and the Birth of the Personaliat]. Moscow: Ripol Klassik. 336 p.
- Dershowitz A. (2020) *Cancel Culture: The Latest Attack on Free Speech and Due Process*. New York: Hot Books. 168 p.
- DiAngelo R. (2018) *White Fragility: Why It's So Hard for White People to Talk About Racism*. Boston: Beacon Press. 192 p.
- Fukuyama F. (2019) *Identichnost'. Stremlenie k priznaniuu i politika nepriiatiia* [Identity: The Demand for Dignity and the Politics of Resentment]. Moscow: Al'pina Publisher. 256 p.
- Gorz A. (2010) *The Immaterial: Knowledge, Value and Capital*. New York, London: Seagull Books. 209 p.
- Hicks S. R. C. (2011) *Explaining Postmodernism. Skepticism and Socialism from Rousseau to Foucault Ockham's*. Roscoe: Ockham's Razor. 278 p.
- Inglehart R. (1997) *Modernization and Postmodernization*. Princeton: Princeton University Press. 464 p.
- Jones P. (2021) *Work Without the Worker: Labour in the Age of Platform Capitalism*. New York: Verso. 144 p.
- Kagarlitskii B.Iu. (2017) *Mezhdru klassom i diskursom. Levye intellektualy na strazhe kapitalizma* [Between Class and Discourse: Left Intellectuals in Defence of Capitalism]. Moscow: HSE Publ. 278 p.
- King B., Petty R. (2021) *The Rise of Technosocialism: How Inequality, AI and Climate will Usher in a New World*. Singapore: Marshall Cavendish International. 336 p.
- Knowles M. (2021) *Speechless: Controlling Words, Controlling Minds*. Washington, D.C.: Regnery. 256 p.
- Kondrashov P.N. (2016) Kakogo zhe Marksa my chitaem? Chast' 2 [Which Marx We Read? Part 2]. *Diskurs-Pi*. no. 3-4, pp. 238–246.
- Lupton D. (2021) *Zhirnye* [Fat]. Moscow: HSE Publ. 224 p.
- Munger M. (2021) *Zavtra 3.0. Transaktsionnye izderzhki i ekonomika sovместного ispol'zovaniia* [Tomorrow 3.0. Transaction Costs and the Sharing Economy]. Moscow: HSE Publ. 256 p.
- Milanovic B. (2017) *Global'noe neravenstvo: novyi podkhod dlia epokhi globalizatsii* [Global Inequality: A New Approach for the Age of Globalization]. Moscow: Izdatel'stvo Instituta Gaidara. 336 p.
- Mason P. (2017) *Postcapitalism: A Guide to Our Future*. New York: Farrar, Straus and Giroux. 368 p.
- Muldoon J. (2022) *Platform Socialism: How to Reclaim our Digital Future from Big Tech*. London: Pluto Press. 200 p.
- Murray D. (2021) *Bezumie tolpy. Kak mir soshel s uma ot tolerantnosti i popytok ugodit' vsem* [The Madness of Crowds: Gender, Race and Identity]. Moscow: Ripol Klassik. 336 p.
- Piketty T. (2016) *Kapital v XXI veke* [Capital in the Twenty-First Century]. Moscow: Ad Marginem. 592 p.
- Pinker S. (2018) *Enlightenment Now: The Case for Reason, Science, Humanism, and Progress*. New York: Viking. 576 p.
- Pluckrose H., Lindsay J. (2020) *Cynical Theories: How Activist Scholarship Made Everything about Race, Gender, and Identity – and Why This Harms Everybody*. Durham: Pitchstone. 352 p.
- Rectenwald M. (2020) *Beyond Woke*. Nashville, TN: New English Review Press. 238 p.
- Scarry E. (2020) *Privileged Victims: How America's Culture Fascists Hijacked the Country and Elevated Its Worst People*. New York: Bombardier Books. 288 p.

- Shapiro B. (2019) *Facts Don't Care about Your Feelings*. Hermosa Beach: Creators Publishing. 231 p.
- Shapiro B. (2021) *The Authoritarian Moment: How the Left Weaponized America's Institutions Against Dissent*. New York: Broadside Books. 288 p.
- Soh D. (2020) *The End of Gender: Debunking the Myths about Sex and Identity in Our Society*. New York: Threshold Editions. 336 p.
- Srnicek N., Williams A. (2016) *Inventing the Future: Postcapitalism and a World Without Work*. New York: Verso. 272 p.
- Standing G. (2014) *Prekariat. Novyi opasnyi klass* [The Precariat: The New Dangerous Class]. Moscow: Ad Marginem. 368 p.
- Stock K. (2021) *Material Girls: Why Reality Matters for Feminism*. London: Fleet. 320 p.
- Transgender Marxism* (2021) Ed(s): Gleeson J. J., O'Rourke E. London: Pluto Press. 320 p.
- Van Parijs P., Vanderborght Y. (2020) *Bazovyi dokhod. Radikal'nyi proekt dlia svobodnogo obshchestva i zdorovoi ekonomiki* [Basic Income: A Radical Proposal for a Free Society and a Sane Economy]. Moscow: HSE Publ. 440 p.
- Weiss H. (2021) *My nikogda ne byli srednim klassom. Kak sotsial'naia mobil'nost' vvodit nas v zabluzhdenie* [We Have Never Been Middle Class]. Moscow: HSE Publ. 200 p.
- Wright E. O. (2019) *How to Be an Anticapitalist in the Twenty-First Century*. New York: Verso. 176 p.
- Zuboff S. (2022) *Epokha nadzornogo kapitalizma. Bitva za chelovecheskoe budushchee na novykh rubezhakh vlasti* [The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power]. Moscow: Izdatel'stvo Instituta Gaidara. 784 p.

Информация об авторе

Давыдов Дмитрий Александрович, кандидат политических наук, старший научный сотрудник отдела философии Института философии и права УрО РАН. Адрес: 620990, г. Екатеринбург, ул. Софьи Ковалевской, 16. E-mail: davydovdmitriy90@gmail.com

About the author

Dmitriy A. Davydov, Candidate of Political Sciences, Senior Research Fellow, Department of Philosophy, Institute of Philosophy and Law (Ural Branch of RAS). Address: Sofia Kovalevskaya st., 16, Ekaterinburg, 620219, Russia. E-mail: davydovdmitriy90@gmail.com

Статья поступила в редакцию / Received: 22.06.2022

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 21.07.2022

Статья принята к публикации / Accepted: 28.07.2022